

УДК 330. 339. 338.2

Осокина Наталья Викторовна, профессор, д.э.н.
(КузГТУ, г. Кемерово)
Osokina Natalya, professor, doctor
(KuzSTU, Kemerovo)

СТАРАЯ «НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

NAZVANIE THE OLD "NEW REALITY" OF THE RUSSIAN ECONOMY

Аннотация

В статье анализируются особенности кризисной ситуации в современной российской экономике, их внешний и внутренние причины и связь с функционирующей в настоящее время моделью государственного макроэкономического регулирования.

Annotation

The article analyses the features of the crisis in the current environment with their external and internal reasons, and communication with the operating model is currently the state of macroeconomic regulation

Российская экономика переживает глубокий кризис, уже более двух лет осложненный дополнительным воздействием экономических санкций со стороны государств Запада, ницированных США в 2014 году. При этом на внутриэкономическую ситуацию накладывается отрицательная динамика процессов внешнеэкономических. Мировая экономика, по существу, не вышла на траекторию устойчивого роста после глобального кризиса 2008 г. Хотя слово «кризис» теперь не в моде. Премьер-министр России Д.Медведев, а за ним и другие официальные лица, например первый зампред Банка России Ксения Юдаева, предпочитают характеризовать ситуацию в России как «новую реальность». [1]

Суть процессов, характеризующих новую реальность для России, выражает сочетание геополитических рисков, внешних и внутренних шоков. В прошлом остались постоянно растущий приток углеводородной ренты, профицитный бюджет, дешевые заимствования за рубежом и бум на потребительском рынке. Усилился фактор политического влияния на экономические и даже культурные отношения, резко возросло давление по линии международного медийного пространства, противостояние между Россией и коллективным Западом в лице США достигло уровня, невиданного в новой истории нашей страны.

Глубинные причины усиления этого давления обусловлены реструктуризацией мир-системы, которая сейчас находится во второй фазе четвертого системного цикла накопления. Известный представитель мир-системного анализа Дж. Арриги выделяет генуэзский, голландский, британский и амери-

канский системные циклы накопления. Каждый цикл содержит две фазы или стадии, которые характеризуются различиями главных сфер создания капиталистического богатства: на первой фазе это сфера производства и торговли (реальный сектор), а на второй - сфера финансовой деятельности. [2, с.44-45]

В рамках фазы финансовой экспансии зарождается новый режим накопления, являющийся своеобразной реакцией на противоречия существующего режима, и регрессируют структуры старого режима накопления. Происходит изменение регионального ареала накопления. Главным актором финансовой экспансии является действующий гегемон данного этапа мир-системы, причем стадия финансовой экспансии совпадает с фазой упадка цикла гегемонии, составляющего около ста лет. Финансовая экспансия сопровождается интенсификацией борьбы действующего гегемона мир-системы против смены лидерства.

Все эти процессы разворачиваются в современном мировом хозяйстве. США в значительной мере уже утратили свои преимущества в производственной и торговой сфере. Самая крупная «мастерская мира» переместилась в Китай, который еще в 2013 году стал лидером по доле в мировом экспорте. Из главного кредитора мирового хозяйства Штаты превратились в его наиболее крупного заемщика (по абсолютным размерам долга). Держаться на плаву помогает сохраняющиеся преимущества в финансовой сфере: монополия на главную резервную валюту и приток капитала извне. Именно излишек капитала позволяет США финансировать свой высокорисковый инновационный сектор, успехи которого, в свою очередь, делают американскую экономику привлекательной для инвесторов. Основанием долларовой системы США является контроль над регионами добычи и транспортировки углеводородов. Этим объясняется серия вторжений их вооруженных сил и поддержка арабской весны на Ближнем Востоке. Военные акции служат одной из наиболее действенных мер по стимулированию мирового спроса на постепенно теряющий монопольные позиции доллар. Россия единственная из всех стран вступила в открытое противодействие реализуемой Штатами политике "слома" национальных государств и управляемого хаоса.

Однако и в мире финансов нарастает нежелательное присутствие «Красного дракона». В судьбоносный для него день 1 октября 2016 года китайский юань вошел в валютную корзину МВФ, официально получив признание третьей резервной валюты мира, обогнав японскую иену и британский фунт стерлингов. Позитивное взаимодействие России и Китая в рамках БРИК, проведение совместных военных учений, намерения активного сотрудничества в ресурсно-технологической сфере, способное существенно усилить геополитические позиции Китая не соответствуют интересам США, ускоряя упадок их гегемонии, прежде всего ущербом для их авторитета на международной арене.

Эти внешние вызовы для России действительно являются новой реальностью, поскольку в 90-е годы казалось: стоит только озвучить желание вернуться в "цивилизованный" мир, и за граница нам поможет. Однако хорошими отношения с Западом оставались лишь до тех пор, пока Россия неукосни-

тельно выполняла все рекомендации и требования западных партнеров путем односторонних уступок. Сейчас же "новая" реальность парадоксальным образом сочетается со старой реальностью, которой остаются внутренние экономические проблемы. Их управленческая элита до сих пор пытается объяснить наследием СССР. Но ведь Советский Союз не существует уже четверть века. За аналогичный период времени (1917-1945 гг.) руководство СССР, при всех вменяемых ему недостатках, преодолело хаос гражданской войны, осуществило индустриальную революцию и смогло разгромить мировой фашизм в величайшей войне XX века.

Сегодняшний кризис был и остается кризисом модели макроэкономического управления в Российской Федерации, сложившейся в 90-е годы по советам западных консультантов, когда наша страна шоковым способом была интегрирована в капиталистическую мир-систему. Эта модель не может обеспечить структурную перестройку российской экономики на неоиндустриальных принципах.

Приверженность высшего управленческого блока этой модели привело к острому противоречию между заявленным в 2007 году самостоятельным внешнеполитическим курсом и не адаптированным к национальным реалиям, построенным на догматическом понимании неоклассической теории, содержанием государственного макроэкономического регулирования.

Речь о необходимости смены экономической модели развития России идет, по меньшей мере, с кризиса 2008 года, а точнее, еще с времен антикризисного правительства Е. Примакова – Ю. Маслюкова. Однако ее основы, базирующиеся на рекомендациях международных экономических институтов для периферийных стран, сохраняются до сих пор, в том числе, осуществление бюджетной и денежно-кредитной политики. Приоритетами являются не обеспечение структурной промышленной политики и доступности для населения социальных благ, а сохранение внешней открытости рынков капитала, бездефицитность бюджета, стерилизация "излишних" нефтегазовых доходов, снижение инфляции. Однако достичь намеченных ориентиров обычно не удается. Мнения критиков российской бюджетной и кредитной политики представителями экономического блока правительства безапелляционно объявляются псевдонаучными. При этом критиков совершенно безосновательно обвиняют в том, что они выступают за реанимацию советской системы и возврат в СССР.

Исследователи отмечают, что кризис в России непосредственно связан с ущербом, нанесенным отечественной экономике финансовыми властями. Центробанк занижает предложение «длинных» денег, сняв с себя ответственность за обеспечение денежными ресурсами проектов и программ, связанных с социально-экономическим развитием и искусственно ограничивая денежную массу величиной спроса финансовых рынков. В результате коэффициент монетизации российской экономики не достигает и 50% от ВВП, в то время как в Китае он составляет 175%, Японии 160% и вообще в ведущих странах, как правило, превышает 100% ВВП. [3, с.41] Средства резервных ресурсов в значительной доле используются для низкопроцентного кредито-

вания агрессивно настроенной зарубежной страны – при официальных декларациях о необходимости их расходования на внутренние инвестиции. Так, в октябре 2015 г. вложения резервных средств в казначейские облигации США достигли 89,9 млрд. долл. [4, с.30]

Финансирование бюджетного дефицита за счет эмиссии ЦБ РФ под прирост внутреннего государственного долга, как делается в развитых странах, у нас называется «просто производством бумаги, которое подстегнет инфляцию». Однако инфляцию вызывает отнюдь не только избыток, но и недостаток денег. Следует сказать, что США, Великобритания, Япония и др. страны постоянно используют практику дефицитного бюджетного финансирования.

Динамика макроэкономических показателей расходится с оптимистическими утверждениями о том, что России санкции только на пользу. Рост потребительских цен в 2015 г. составил 15,9% — в три раза выше, чем в 2012 году. По итогам 2015 года Россия покинула тройку крупнейших торговых партнеров ЕС. Уменьшился профицит счета текущих операций платежного баланса. Осложнились проблема темпов повышения производительности труда. В 2001—2007 гг. темпы роста производительности труда составляли 5,4%, а в период 2009—2014 гг. упали до 2%. [5]

В 2014 году Банк России не смог противостоять спекулятивным действиям на валютном рынке. 10 ноября 2014 года был демонтирован валютный коридор, существовавший в разных формах почти 20 лет, хотя снижение цены на нефть в то время было далеко не критическим. Эта акция многими была оценена как несвоевременная и неблагоприятная по условиям. По отношению к доллару валюта упала на 71,9%, к евро – на 52%. При этом на валютные интервенции в 2014 г. было истрачено 107,5 млрд. долл. или 5,2% ВВП. [6, с.10]

Справедливости ради следует отметить, что сильное обесценение рубля сформировало ценовые преимущества для экспортоориентированных производств и создало преграды для конкурирующего импорта (вместе с продовольственным эмбарго на ряд товаров из стран ЕС, США, Норвегии, Канады и Австралии). Предприятия добывающих отраслей и сельскохозяйственные производители, а также и бюджет получили финансовый выигрыш. Однако он не трансформировался в рост инвестиций. Инвестиции в основной капитал по экономике в целом снизились по отношению к предыдущему году: в 2014 году на 2,7%, в 2015 г. на 7,8%. Снизился и прирост прямых иностранных инвестиций: с 3,1% ВВП в 2013 г. до 0,4% ВВП в 2015 г., хотя девальвация рубля должна была бы повысить интерес к российским активам. Число живущих ниже порога бедности за 2015 год выросло более, чем на 3 млн. человек и вернулось к уровню 2006 г. [6, с.23, 28]

Перелом кризисных тенденций предполагает существенное возрастание регулирующей роли государства по приведению в действие факторов экономического роста и социально-экономического прогресса. Это, кстати, является общей тенденцией развития в западных странах после кризиса 2008 года. Речь идет о втором дыхании государственного предпринимательства. В

2010-2011 гг. в числе 500 крупнейших компаний мира было 19% государственных предприятий.

Активное воздействие государственного регулирования на экономическое развитие невозможно без стратегического планирования. Такая попытка была предпринята в 2008 г., когда правительство перешло от однолетних бюджетных планов к трехлетнему горизонту планирования. Однако выдержать этот формат, по-видимому, не удалось из-за характера и результатов данного процесса. В публикациях по данной проблеме подчеркивалось, что "трехлетки" формальны, имитационны по своему характеру и не стали фактором улучшения экономической ситуации. Наблюдалась тенденция снижения доли расходов бюджета в ВВП с 21,15 % в 2011 году до 18,98 % в 2016 году. При этом расходы по разделу «Национальная экономика» в общей структуре расходов сократились с 16,19% в 2011 году до 11,4 % в 2014 году, а затем структура расходов стала секретной. [4, с.34-35] Фактически не произошло реального перехода к стратегическому планированию развития государственного сектора экономики, ориентированному на результативную поддержку этого сектора. Разработка бюджета на 2016 г. осуществлялась уже не в формате трехлетки, что, по мнению многих экспертов, свидетельствует о «неспособности органов власти к разработке и реализации экономической политики неоиндустриального развития, ориентированной на структурно регулируемый рост ВВП». [4, с. 43] Подобные качества работы могли бы быть основанием для отставки правительства. Однако установился щадящий режим его деятельности, способствующий снижению ответственности чиновничества федерального уровня. Очевидно, существует убеждение, что кризисные явления закончатся сами собой. Это старая реальность и она вызывает большие сомнения в принятии действенных мер прогрессивной реструктуризации национальной экономической системы.

Список литературы:

1. Юдаева: «Нашу ситуацию лучше всего описывает термин «новая реальность» [Электронный ресурс] / Режим доступа <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8834172> (Дата обращения 12.10.16)
2. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени [Текст] / Дж.Арриги. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
3. Ершов, М. Какая экономическая политика нужна России в условиях санкций? [Текст] / М. Ершов // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 37-53.
4. Селезнев, А. Однолетний бюджет на 2016 г. в свете «трехлеток» и кризисной ситуации в стране [Текст] / А.Селезнев // Экономист. – 2016 –№ 1. – С. 30 - 45.
5. ООН: уровень инфляции в РФ в 2016 году составит 10,5%, рост ВВП будет нулевым [Электронный ресурс] / Режим доступа

<https://news.mail.ru/economics/24590204/?frommail=1>, свободный. (Дата обращения 21.01.2016 г.

6. Борисова, И., Замараев, Б., Козлова, И., Назарова, А., Суханов, Е. Российская экономика под гнетом санкций и дешевой нефти [Текст] / И. Борисова, Б. Замараев, И. Козлова и др. // Вопросы экономики. – 2016. – № 7. – С.5-35.